

Ольга Артёмова

СКАЗКИ

ИЗ

МАЛИНОВКИ

Ольга Артемова

Сказки из Малиновки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70255162

SelfPub; 2024

Аннотация

Где-то в самом сердце России раскинулось удивительное село Малиновка. В лесу на реке живут самые настоящие летающие драконы, в саду у деда Лёни гнездится птица счастья, растёт за околицей волшебный дуб, а само село издавна хранит настоящая жар-птица. Не верите? Чистая правда..

Содержание

Птенцы	4
Птица счастья	21
Жар-птица	33
Мокошь	45

Ольга Артемова

Сказки из Малиновки

Птенцы

Я давно просил деда Лёню меня с собой на рыбалку взять. Но то погода не та, то деду некогда, то еще причина какая вырисовывалась.

А сегодня дед наконец сказал:

– После обеда, Юрка, будь готов. Пойдем рыбачить. По всем приметам будет клев хороший. Мне бы радоваться, а я расстроился сначала. Вечером фильм интересный будет по телеку «Парк Юрского периода», а после новостей – продолжение. Я так давно его хотел посмотреть, предвкушал уже, как завалюсь на диван, включу телевизор (с бабушкой уже договорился, она к тете Маше пойдет чай пить с пирогом и там свой любимый сериал досмотрит) и буду смотреть триллер, замирая от ужаса и переживая за главных героев.

Ну и вообще, нравятся мне всякие ящеры и динозавры. Жаль, что вымерли они давно.

Хорошенько подумав, выбрал все же рыбалку: фильм, может, завтра повторять будут. В крайнем случае, в город вернуться в конце лета и на компе посмотрю. А дед когда еще позовет с собой.

Разрыл вилами старую навозную кучу, набрал червей в банку. Еще личинки какие-то попадались, тоже в дело пойдут. Проверил удочку, взял в запас леску, крючки, грузила, поплавок еще один. Бабуля фуфайку и штаны дала, завернула в полотенце хлеб, яйца вареные, помидоры-огурцы всякие. Вот и готов.

***

Мы плыли на лодке. Наша спокойная, широкая, не особо глубокая, ПольшАя Ворона как-то незаметно сменилась на более узкую, с быстрым течением, Лесную Ворону с крутыми песчаными берегами по обе стороны. Толстые высокие сосны заглядывали в воду, создавая совершенно другую реальность. Казалось, что нога человека никогда не ступала на этот прибрежный песок.

Через пару часов мы вдруг всплыли в тихую заводь, река тут делала крутой изгиб, образуя небольшой песчаный пляж. К нему мы и причалили.

Место было живописное, почти на всех соснах на противоположном берегу – гнезда, а рядом с ними сидели парами крупные серые птицы.

Крутой берег тоже был изрыт норами.

– Дед, это кто тут живет? – удивленно спросил я.

– А, да это колония серых цапель. Они здесь испокон веков гнездятся. Место тихое, труднодоступное. Хорошо им тут. И рыбы вдоволь.

Как бы подтверждая слова деда, одна из птиц рванулась к речной глади, сделала сложный кульбит у воды и с крупной рыбиной в клюве, полетела к гнезду.

А дед продолжал:

– Много тут любителей рыбы: скопы, зимородки, филина ушастого даже видел раз.

Мы разобрали снасти, забросили удочки. Клевало слабоватой, и я опять стал думать о пропущенном фильме и о динозаврах.

– Дед, а вот интересно, в наших местах динозавры водились?

– А как же, в краеведческом музее скелет диплодока стоит у входа, настоящий, в нашей области отрыли целое кладбище их. Кости, конечно, забрали для исследований, а один скелет в экспозицию отдали.

– Эх, вот бы сейчас они жили, – вздохнул я. – Хотя бы травоядные. Их бы одомашнить можно было, приручить.

– А с чего ты взял, что они сейчас не живут? – хитро прищурился дед.

– Дед, ты че, шутишь? Если б хоть один ящер где-нибудь жил, это была бы сенсация. Может, где-то и сохранились, в труднодоступных местах, в болотах Южной Америки, например. Но доказательств никаких существует достоверных.

– Южную Америку ему подавай! А что бы ты сказал, если бы их здесь увидел?

– Кого?

– Да динозавров, будь они неладны, драконов первобытных.

– Дед, ты ври, да не завирайся. Откуда они у нас?

– А вот ты послушай историю. Серегу-фермера знаешь?

Серегу фермера я знал. Живет такой немного поодаль от села. Чудик. Приехал лет 15 назад в село из города. Домишко купил. Обустроил его, забором двухметровым обнес и стал всякие проекты в жизнь воплощать. Сельскохозяйственные.

Кролики у него водились невиданные, здоровенные. Страусов целый загон. Козы с выменем до земли. И всякая другая интересная живность. Помогали ему два сына и задумчивая, молчаливая жена.

– Ну, так вот, – продолжил дед. Лет семь назад надумал наш Серега страусов разводить. Выписал аж из самой Африки яиц страусиных десятков. Как ему это удалось – неведомо. Чудик же. Заложил их в инкубатор и стал птенцов ждать.

Пару раз приходил ко мне на консультацию. Я ж в прошлой жизни орнитологом был, повадки птиц хорошо знаю. Вот подошло время страусяткам вылупиться. Серега совсем сон потерял. Чуть ли жить не перебрался в свой инкубатор.

Наконец, приходит ко мне утром. Вроде, радостный. Но,

чувствую, что-то не так.

Спрашиваю:

– Ну чего там у тебя? Все вылупились?

– Все, дядь Лёнь. – А голос странный.

Тут уж мне самому интересно стало:

– Да говори, не томи, чего там у тебя вылупилось?

– Пойдём, дядь Лёнь, сам посмотришь.

Приводит меня к себе. В загончике восемь голенастеньких страшненьких страусят бодро кашу пшеничную клюют и зеленку, рубленную.

– А еще где два? Болтыши?

Вздыхнул Серега и большое решето, накрытое платком, принес.

Приподнял я платок, а там... – дед замолчал, поплавок у него ушел в воду.

И он занялся попавшейся рыбой. У меня тоже поплавок заплясал, и нам стало не до разговоров.

Начался хороший вечерний клев,

Солнце почти ушло за горизонт, мы достали спальные, разожгли костерок, перекусили домашними припасами. Чайник закипел, дед щедро сыпанул в него земляничных листьев, чабреца, добавил пару сосновых побегов. Разлили по кружкам. Вкуснотища!!! Конфет не надо.

– Дед Лёнь, ну чего там дальше то? Кто там у Серёги в решете то сидел?

– Да кто, кто ... детеныши драконьи, – будничным голосом сказал дед. Черненькие, гладенькие, с крылушками небольшими. И пищали как цыплята.

Серёга их кормить пытался кашей пшенной, мясом куриным, кузнечиками да мухами, а они отворачивались, ничего не ели. Только пищали жалобно.

– А как же они к Серёге попали? Неужели из яиц вылупились? Чего ж Серёга не понял, что яйца другие?

– Ну, видел он, что два яйца не такие, как все. Но решил, что другой вид страуса это.

А оно вона че.

Короче, говорит мне Серега:

– Забирай, дядь Лёнь, ты этих задохликов. Может, спасёшь. А у меня и с нормальными страусятами дел по горло.

Забрал я решето, принес домой. Чего делать – ума не приложу. Все ж это не птицы.

Думаю, надо их обогреть. Настольную лампу включил, в решето тряпочек набросал разных. Птенчики мои зарылись в них, пищать перестали, уснули вроде.

Сижу я, на них смотрю, кумекаю: что ж это за звери такие? И чем же их кормить?

А они спят, прижались друг к дружке, у одного лапка торчит, а между пальчиков – перепонка.

И тут меня осенило! Я как раз на рыбалке с утра был. Крупную рыбу почистил, а мелкую уклейку коту оставил. А Кузьма загулял где-то с пушистыми невестами, не соизволил

домой еще явиться.

Метнулся я к холодильнику, достал рыбешку, покрошил мелко на дощечке ножичком и понес прямо на ней моим дракончикам.

Сунул под нос, они оживились и склевали все как птенцы. И довольно замурчали.

Ну, ясно все. Видно, это речные или болотные ящеры.

Стали мы с моими дракончиками жить да поживать, я их кормлю и изучаю, а они растут не по дням, а по часам. Через

пару месяцев я им вольер во дворе обустроил. Они уже размером с небольшую кошку стали. Рыбу больше ножом не рубил, поставил в вольере бочку 100 литровую с водой, бывало, иду с рыбалки и посвистываю особым образом. А они меня услышат и поджидают у сетки. Крылышки растопырят свои и кудахчут забавно. Я снулую рыбу в кормушки покидаю, а живую – в бочку запущу. А они немного взлетать уже научились. Вспорхнут на край бочки и за рыбой наблюдают. А потом по очереди хватают её.

К концу лета стало заметно, что один дракончик вроде как самец. Тело покрупнее, голова побольше, ведёт себя уверен-

нее и цвета аспидно-черного, с бронзовым отливом.

А второй – вроде, самочка. Светло-зеленая, почти оливковая. Миниатюрная, квохчет мелодично и прячется за братца, если что-то напугало. Меня, правда, они совсем не боялись. Позволяли измерять, зубы осматривать (а они у них прорезались острые и много).

Назвал я их Черныш и Муська. Были у меня в детстве с такими именами кот и кошка.

Сереге заходил иногда, поглядеть на моих «птенчиков».

У него-то страусята тоже подросли изрядно. И Сереге уже предвкушал, как к весне они начнут яйца нести.

– Дядь Лёнь, а зимой то чего ты с ними делать будешь? Ведь замерзнут, перьев то у них нет.

Об этом я и не подумал. Сарайку надо, значит, теплую пристраивать. К сентябрю сарайка уже готова была.

Первый Черныш залез в нее, потоптался, лапами поскреб, закурлыкал довольно. Одобрил. Затем и Муська полезла, ей вроде тоже понравилось. С того дня ночевать они в свою спальню стали залезать. Я сена набросал туда, тряпок раз-

ных, а они подобие гнезда соорудили.

Зима приближалась, подмораживать стало. Всё реже мои птенчики к завтраку выходили.

А в начале декабря впервые не вышли совсем. Я подождал до обеда, не вылезли.

Решил заглянуть в их спаленку – сбоку дверку я специально сделал. Открыл ее – там тишина, а в уголке – настоящий шар-кокон сплетен из сена и тряпок. И спят там мои голубчики прижавшись друг к дружке. Не стал их беспокоить, вышел тихонько. Заглядывал каждый день, проверял, градусник повесил внутри. Следил за температурой. Иной раз обогреватель к ним заносил в сильные морозы.

Перезимовали мы, победили зиму. С мартовской капелью стали мои птички просыпаться ненадолго. А в начале апреля в вольер вылезли.

Выхожу во двор – они парочкой на солнышке сидят. И курлычут звонко так, как птицы, прям. Принес рыбы, они оживились, поели.

А я задумался: ведь не дело этих птах в неволе держать. Они выросли с крупную собаку уже. Крыльями хлопают.

Взлетать пытаются.

Решил я их выпустить. Теплым вечером подманил по очереди, в мешки засунул, в лодку погрузил. Взял палатку, припасов на несколько дней, да и приплыл вот сюда, на это место.

Осторожно развязал мешки, выпустил дракончиков. Ох, они обрадовались! Скакали по отмели, брызгались, махали крыльями. А потом Черныш полетел. Часто-часто замахал крыльями – и полетел. Он вверх поднимается, а Муська кудахчет внизу и крыльями машет... Бегала, бегала, а потом тоже взлетела, неуклюже, заваливаясь то в одну, то в другую сторону.

И вот они уже вдвоем парят. А я смотрю на них, и слезы на глазах: выросли мои детки. Скоренько я удочки размотал, забросил, поймал пару плотвичек, засвистел, как раньше, после рыбалки. И вот они, мои птички! Подлетели, сели. Шеи тянут, рты раскрыли. Рыбки хотят.

Неделю я прожил с ними на этом затоне, рыбу ловил, а они учились жить на воле. Первые дни рядом с палаткой спали на песке. А потом смотрю – нору колупать начали на крутом берегу. По очереди рыли. Сначала Черныш, а уж изнутри песок Муська выбрасывала.

Последние две ночи туда ночевать улетали.

Стал я домой собираться. Не нужен больше моим птичкам воспитатель. Научились жить они в дикой природе. Утром рано сложил вещички в лодку, приготовил рыбку покормить их напоследок, засвистел. И вот они, мои птенчики, прямо в лодку приземлились. Кинул им по рыбке да и согнал с борта. Пора мне плыть домой. Парочка меня почти до конца леса провожала, а как сосны на берегу поредели – вернулись Черныш и Муська назад, в лес.

Еще не раз за лето я к ним плавал. Проверял, как они там. Свистну – подлетят, радуются, я им пузики чешу, как маленьким. А по осени они сами в спячку залегли в своей норе.

На следующий год смог попасть на затон только в начале июня.

Волновался, конечно, зима морозная была. Но Черныш прилетел сразу, как только услышал мой свист.

– А где ж подружка твоя? Неужели замерзла? Или браконьеры подстрелили?

Черныш выхватил у меня рыбу, но не проглотил, а полетел

с ней к своей пещерке. Нырнул в отверстие, а обратно вылез уже без рыбешки. Снова подлетел ко мне, и снова унес рыбу в пещеру

Так вот оно что! Видно, Муська на яйцах сидит, а Черныш ее кормит!

Ну, тут я уж не выдержал:

– Дед, ну ты и врать, однако... Ящеры тебе чего, куры что ли, что б на яйцах сидеть? Ну, ты и напридумывал.

– Напридумывал, не напридумывал... спи, давай. Утром на зорьке еще половим, а часов в 10 – домой. Как раз к обеду в село попадем.

***

Когда я проснулся – дед Леня уже забросил донку и налаживал поплавочную удочку.

Солнце лениво всходило, пел разноголосый птичий хор. Над речкой кружились цапли, время от времени ныряя к поверхности реки, что б схватить неосторожную рыбёшку и унести птенцам в гнездо.

Вдруг две темные птицы, совсем не похожие на цапель,

направились в нашу сторону. Пока я приглядывался, пытаюсь понять, что это за парочка, дед стал насвистывать, как будто приманивая птиц. И они спикировали прямо к нему под ноги.

– Не забыли, бродяги, не забыли, мои птенчики! – приговаривал дед, бросая рыбу то в одну, то другую раскрытую... пасть?

Это были не птицы! Дед Леня кормил двух настоящих крылатых ящеров, размером со среднюю овцу. Они глотали рыбу, издавали забавные клекочущие звуки и терлись об руки старика...

– Дед... Так это че правда всё? – Я не мог поверить своим глазам

– А ты думал, я тебе байки травлю? Я, Юрка, самый правдивый человек на свете, что б ты знал.

– А можно я тоже их покормлю?

– Попробуй, но могут и не взять. Побаиваются. Чужой ты. Дети ихние меня тоже боятся, не подлетают. —Он указал рукой на нескольких дракончиков поменьше, державшихся в стороне. Их я тоже принял сначала за птиц.

Я бросил карасика Чернышу. Тот недоверчиво посмотрел на меня янтарным глазом, но рыбку осторожно подобрал. Я бросил еще, и еще, и, вскоре весь мой улов оказался в желудках необыкновенных существ.

А потом они улетели. А мы поплыли домой.

Я все не мог прийти в себя.

– Дед, а их не подстрелят там?

– Нет, Юрка, не должны. Здесь природоохранная зона. Заповедник. Охотится запрещено.

– Но ведь это же неизвестный науке зверь! Мог бы на одних фотках кучу денег заработать!!!

– И зачем мне эта куча? Понаедет сюда толпа разных учёных, журналистов, просто любопытных, богачей, желающих на необычную зверюгу поохотиться. И не останется ничего от нашего заповедного места. Вытопчут, уничтожат.

Нет, Юрка. Мы с Серегой молчим, и ты молчи. Не дай бог кому проболтаешься!

– Дед, клянусь, я – могила!

Домой приплыли после обеда. На вопрос бабушки, где же рыба, ответил, что клева не было ни вечером, ни утром. Наверное, дождь будет. Рыба – она его чувствует.

Растянулся на диване, включил телек. Так и есть: повторяли вечернюю программу. Шла вторая серия «Парка Юрского периода». На экране рычали и бесновались воскрешенные ящеры.

«Фигня какая-то! Подумал я. – Совсем для малышни. Посплю лучше».

Выключил телевизор и, закрыв глаза, увидел парящих в небе дракончиков. Успел только подумать: «Лето длинное. Дед Лёнька еще не раз на затон поплывет. Напрошусь опять с ним, погляжу на летающих драконов» – И провалился в сон.

Птица счастья

После той истории с водными драконами я деда Леню еще больше зауважал. Стал просить, что б он мне ещё истории интересные из жизни своей рассказывал. Ведь он птиц изучал, много по свету ездил. Уж точно есть, что необычное порассказать.

– Эх, Юрка, все самые необычные истории случались со мной здесь, в Малиновке, уже когда я на пенсию вышел и насовсем тут поселился. Ну, вот хоть с драконами случай взять, да и другие были истории, тоже необычные. Ты вот замечаешь, как у нас в деревне все рождается хорошо? Что от нас уезжает народа все меньше, а возвращаются в село все больше людей?

Ну, это я знал, конечно. Урожаи яблок, слив, вишни и всяких огородных фруктов-овощей были и вправду невиданные. Даже по телевизору показывали Малиновку, говорили, что феномен какой-то у нас. Дело то ли в воде особенной, то ли в почве. И ребятишки рождались здесь часто двойнями, да все здоровенькие. А уж старикам вообще раздолье было. Те из них, кто сюда доживать приезжал да помирать на родине, как консервировались на года. Болеть почти переставали. Не диво было встретить в лесу компанию шустрых старичков и старушек, перешагнувших 90 летний рубеж, соби-

рающих грибы или ягоды. Наверное, на них тоже местный природный феномен действовал.

Я деду так и сказал:

– Чего ж тут удивительного? Вон даже по Центральному телевидению сказали, что природа у нас необычная, вода особая. Этим все и объясняется.

– Молод ты, Юрка, еще. Не помнишь, что не всегда так было. Расскажу я тебе, с чего всё началось. И опять без Серёги-фермера не обошлось. Он тогда только отстроился, живностью стал обзаводиться. И взбрело ему в голову пару попугаев купить. Да не маленьких, волнистых, а больших, солидных ара, жако или какаду на худой конец. Мечта детства, видеть ли у него. Желает он ее реализовать, средства есть, место для птиц тоже имеется. Заводчика нашел в соседней области. Пришел ко мне:

– Дядь Лёнь, выручай! Завтра за птицами еду, давай со мной, а?

Я ему:

– Я-то тебе зачем?

– Да не очень то я в этих птицах разбираюсь. Хочу пару, а вдруг подсунут двух самцов или двух самок? Или вообще больших, или старых? Дядь Лёнь, не дай мечте детства погибнуть не родившись!

Ну, вот что с ним делать? Согласился я. Да и, честно сказать, самому интересно было взглянуть на питомник экзотических птиц. На другой день выехали мы рано утром, а надо

сказать, начало апреля было. Дороги сильно подтаяли, и добрались мы до места только к обеду. Питомник впечатлил: я впервые видел такое большое количество больших и ярких птиц в одном месте. В огромном ангаре в два ряда стояли клетки и клеточки, где сидели разные тропические птицы, большие и не очень. Серега сразу озвучил своё пожелание, да и созванивался он с хозяином птиц заранее. Поэтому тот сразу подвел нас к попугаям. Приятель мой быстро выбрал пару понравившихся красно-голубых ара и, толкнув меня в бок, зашептал.

– Дядь Лёнь, посмотри, птицы здоровые? Самка и самец?
Говорю ему:

– Здоровые, но ты ж хотел, чтоб птицы разговаривали у тебя. А ара много слов не запоминают. Мой тебе совет – возьми жако. Они хоть не такие красивые, но слов запоминают много больше.

В общем, выбрали парочку молодых жако. Я их осмотрел, дал добро на покупку, и Серега с хозяином отправились оформлять сделку, клетку на первое время подбирать, корма, ну и разное другое. А я решил прогуляться и весь этот птичник хорошенько рассмотреть. С полчаса бродил, почти оглох от воплей птичьих. Отдаю должное заводчику, сами птицы были в отличном состоянии, а клетки чистые и просторные. Видно, хорошо за пернатыми питомцами следили. Насмотрелся я и уже выйти хотел, как вдруг мой взгляд остановился на крупной птице с невзрачным оперением. Она

сидела с полузакрытыми глазами, забившись в угол клетки. Корм в кормушке был нетронутым. Я подошел ближе, мною руководил чисто профессиональный интерес к какому виду относится эта птица я не знал. Выглядела она плачевно, тусклые перья не скрывали просвечивающуюся бледную кожу, крылья повисли. Все это указывало на то, что с птичкой что то не так, она явно больна. Так и не поняв, из какой она части света, я хотел отойти, но вдруг птица открыла глаза и посмотрела на меня. Я застыл, поражённый. Взгляд был таким осмысленным, в нем было столько страдания и боли, что я невольно воскликнул:

– Что ж ты за птица такая непонятная?

В ответ та издала что-то вроде стоны, продолжая почти по-человечьи смотреть на меня. И вот, Юрка, не поверишь, так мне ее жалко стало, так жалко. Открыл я клетку, потянулся к ней, а она – как ждала, заковыляла ко мне, неловко взобралась и уселась на протянутую руку, вцепившись когтями в куртку. Я руку подтянул к груди, и она сразу ко мне прижалась. Так мы и пошли вместе хозяина этого птичника искать. Смотрю – они с Серегой сами навстречу спешат, потеряли деда. Оба довольные. Серега желанных птиц получил, заводчик – деньги. Увидел хозяин меня с неведомой птахой на руках – удивился. А я ему:

– Отдай мне птицу, добрый человек. Сколько есть вот денег возьми, – протягиваю ему полторы тысячи. Тогда это еще неплохие деньги были. А тот руками машет:

– Забирай, Петрович, ее так. Эта пичуга ко мне случайно попала. Я заказал из одного питомника несколько пар новых птиц, так сказать, свежую кровь в мой птичник влить, оплатил покупку и доставку. И вместе с попугаями вот это недоразумение и прибыло. Я заводчику звонить, а он деньги мне за одну птицу вернул, извинился и неустойку оплатил. Сказал, что это чудо-юдо к нему случайно попало, а уж кто в мой заказ ее подсунул – вообще непонятно. И не нужна она ему от слова совсем. Ну, не выбрасывать же ее на улицу. Зима, а я ж не садист какой. Посадил птицу в отдельную клетку, корм насыпал, воды поставил. Ветеринар обследовал, говорит – здорова. А она хиреет, не ест почти, вон облиняла вся. Так что забирай, как говорится – баба с возу... Так мы и поехали домой. Серега с двумя нарядными попугаями, и я с облезлой курицей за пазухой. В Малиновку вернулись, когда уже стемнело. Я избу открыл, прошел на кухню и включил свет. И только потом вынул своего нового жильца из-за пазухи. Птица сонно щурилась на лампочку под потолком, но выглядела вполне сносно.

«Куда ж тебя определить?» – подумал я.

Клетки у меня отродясь не было. Посадил птаху на спинку своего любимого старого полукресла. Та сразу начала приводить себя в порядок: чистить остатки перьев, хлопать крыльями, да так, что ещё несколько перьев полетели на пол.

– Эдак ты у меня скоро будешь как цыплёнок магазинный, синий и лысый! – меня смех аж разобрал.

Принес из амбара миску пшеницы, налил воды в плошку.
– Угощайся, гость дорогой! – я и сам сел за ужин.

Как и ожидалось, птица есть не стала и быстро задремала там, куда я её посадил. Я закончил трапезу, похозяйничал еще по дому, да тоже отправился отдыхать. Проснулся поутру от звонких птичьих трелей, доносившихся из кухни. Удивлённый пошёл посмотреть, что там происходит. Зашёл и ахнул: от пшеницы и следа не осталось, и вода вся выпита. А птица сидит на том же месте и радостно голосит.

– Вот это другое дело! – говорю. Молодец! Люблю, когда хорошо кушают! И раз уж ты теперь со мной жить теперь будешь, надо тебе имя придумать. Кеша подойдет? – как то сразу мультфильм пришел в голову про блудного попугая. Да и не сомневался я почему-то, что питомец мой мужского пола.

Птица склонила голову на бок, а потом радостно защебетала, одобряя

– Ну, значит, решено. Будешь Кешей у меня.

И потекли весенние дни. Соорудил я Кеше гнездо в коробке, он там охотно спал, а излюбленным местом его оставалось мое полукресло. Я телевизор сижу гляжу, чай прихлебываю, а Кеша за спиной у меня сушки грызет. И одобрително мне поддакивает, когда я «гол» кричу, или «мазила». Одна беда перья у птицы все почти выпали и, чую, холодно-вато ей. Позвал я, Юрка, бабушку твою, говорю:

– Придумай Варя, одёжку моему Кеше, мерзнет он.

Варвара посмеялась, конечно, но жилетку Иннокентию сшила стеганую. С пуговками на спине, в клеточку. Одежду птах одобрил и стал под ней новые перья отращивать. Сначала тельце покрыли толстые темные трубочки, из которых торчали кончики новых перьев. Я помогал Кеше, как мог. Ввел в рацион витамины, ракушечник, травку молодую. Кеша с аппетитом ел и обрастал, очень быстро превращаясь в яркую птицу с лазоревым оперением. Настал день, когда я увидел, что он пытается дотянуться до пуговиц на спинке. Тут я догадался: жилетку снимает. Взял его в руки (он давался спокойно, даже сидеть любил у меня на коленях словно кот), расстегнул пуговицы, снял одежду и замер: облезлая курица стала яркой и нарядной птицей. Основным цветом был лазорево-синий. А на шее и боках проступали пятна ярко фиолетового и алого цвета. Кеша радовался и хлопал крыльями. А я думал, что ж за птица такая мой Кешка? Затруднялся я с определением вида. А потом махнул рукой, чего он мне этот вид то? Какая разница, кто мой Иннокентий? Главное – что здоров. И еще: пока с птицей хлопотал, радикулит застарелый как-то сам собой прошёл. Ходить легко стал, а когда заметил, что смотрю телевизор и читаю без очков – совсем развеселился: видно, общение с птицей благотно на мой организм подействовало.

– Вот, – говорю, – Кеша, я тебя лечу, а ты, видно, меня.

А он мне вдруг:

– Кеша, Кеша!

Заговорил, шельмец! Хотя – чему удивляться, скворцы и вороны говорят, да как хорошо! Варвара, бабушка твоя, заходила не раз. Интересовалась, как там моя чудная птица? Тут тоже как-то заходит, а я ей говорю: мол, радикулит прошел, как и не было никогда, а она:

– Петрович, а ведь у меня тоже давления давно не было, и сахар к норме вернулся. Дивлюсь, а что если и правда это попугай твой помог?

– Какой он тебе попугай, неизвестная птица он! – а сам думаю, может, и правда, волшебная птица какая Кешка?

Да ну...глупости, скорее – совпадение.

Июнь настал, а мой Кеша все чаще у окна стал сидеть, за жизнью во дворе следить. И, вроде, загрустил. Э-э-эх, пора птицу отпускать, выздоровела она, хоть и привязался я к ней, но на воле всяко ей лучше будет. С утраца покормил Кешу, посадил на руку и вынес во двор. Тот осмотрелся и, взмахнув крыльями, взлетел. Сделал круг над двором и...растворился в небе.

Тут я загрустил, не ожидал, конечно, что питомец мой так быстро от меня улетит. Подумал даже:

«Эх, Кеша, даже «прощай» не успел сказать тебе!» Ну, ничего не поделать теперь, сам отпустил. А вечером слышу: «Тук. Тук», – стучат в окошко. Вернулся гулёный!! Я ему форточку открыл – он залетел и на свое любимое место, на спинку кресла уселся. Немного корма поклевал – скорее, из приличия, видно, на воле наелся. И ночевали мы с ним опять

вместе. Так и повелось, утром выпускаю, вечером он назад в форточку залетает. Так и лето прошло. А в конце сентября Кеша в последний раз домой вернулся, а когда утром выпустил – он не улетел, как обычно, а сел на столбик, к которому бельевая веревка протянута была и сидит. Говорю: «Кеша ты чего?»

Гляжу – стая летит, грачи, вроде, на юг, на зимовку спешат. Кеша вспорхнул, покружил надо мной и стаю полетел догонять. Я понял, на зимовку он в теплые страны отправился, на родину свою. Помахал я ему вслед рукой, пожелал мысленно доброго пути. И не чаял больше его увидеть. Зимой иногда думалось: долетел ли мой птах? Хватило ли ему сил добраться до родных краёв? Я почему-то был уверен, что птица тропическая, уж больно яркий Кеша был. Представлял, как он там пару себе нашел. Вот было бы славно. Так зима и прошла. Я ни разу за зиму не чихнул даже. Вот как здоровье поправилось! Весна настала, яблони зацвели, пошел я в сад стволы деревьев побелить, известку развожу, вдруг над головой слышу:

– Кеша, Кеша!!

Ах, ты, боже мой!!! Синяя птица моя вернулась!!! Да не одна!!! На старой, засыхающей яблоне, которую я уж подумывал спилить, расположилось аккуратно сплетенное гнездо, по краям которой торчали голова и хвостик другой нарядной птички. Видно, она сидела на яйцах. Как же я обрадовался! Даже белить деревья не стал, бросил всё и с Кешей

на плече побежал домой. Птичка моя позволила себя занести в избу, на кухне слетела с плеча, села на свое любимое кресло, и мы с ней славно пообедали. Каждый день прилетал ко мне Кеша, обедали мы с ним вместе, как прежде. А я стал приглядывать за гнездом. Мало ли... Хищники какие, ласка там, или хорёк. Но все обошлось, четыре птенца вылупились и вылетели без происшествий. А сад мой к концу лета было не узнать: сухая яблоня зазеленела, расцвела и дала невиданный урожай. Все фрукты-овощи уродились на диво, и не только у меня. Серега приходил на гнездо Кешкино взглянуть – так и у него ни одна живность не заболела и не сдохла в хозяйстве. Пошёл слух про мою птицу по селу. Стали люди приходить на гнездо взглянуть на счастье. А я что? Мне не жалко. Тихонечко провожал к яблоне и давал минут 10 на выводок полюбоваться. И у всех, кто Кешку или его семейку видел, всё в жизни налаживалось, болячки проходили, поссорившиеся – мирились, детки родились, работа находилась хорошая, а уж про такие мелочи, как урожайность, и говорить даже не стоит, аж передачу по телевизору про наше село показали. Только это, Юрка, не экология. Это Кешка наш нам стал счастье приносить и благоденствие. Ведь он со своей подружкой каждый год к нам возвращается и в моем саду деток выводит. А когда самочка на яйцах сидит – у нас на улице даже собаки брешут тише, чтоб счастье не спугнуть.

– Дед, ты чего хочешь сказать, что и сейчас птица счастья

у тебя в саду птенцов выводит?

– Говорю же тебе – каждый год. Пошли, сам посмотришь.

И пошли мы с дедом на гнездо смотреть. Близко к яблоне меня он не подпустил, но я и из вишнёвника увидел большое круглое гнездо в развилке яблони. Не очень было понятно за листвой, есть ли там птицы. Я уж было хотел попросить деда Лёню разрешить подойти поближе, что б рассмотреть. Но тут раздалось хлопанье крыльев, и к нему на плечо села птица, размером с крупного сокола, но красоты – невиданной. Она сияла на солнце всеми оттенками ярко-синего и голубого, а местами искрилась розовым. Я аж рот открыл от восхищения такой красотой.

– Кеша! – разулыбался дед.

– Кеша, Кеша, – ответила ему ласково птица и потерлась головой об небритую щеку.

Помиловались они пару минут, и Кеша на гнездо полетел. А мгновенье спустя, выпорхнула оттуда другая птица, не такая нарядная, да и поменьше.

– Супругу подменил, кормиться она полетела, а Кешка на яйца сел. Ой, и дружно они живут, Юрка, есть чему людям у них поучиться. И детки у них на загляденье каждый год. Осенью дружно в теплые страны улетают.

– Дед, а куда ж потом эти молодые деваются?

– Да как куда. Счастье-то оно везде нужно. Где к ним с добром да уважением – там они и селятся.

Ну, а коль в неволю попадают – так им верная погибель.

Не бывает, что б счастье в плену жило.

– Выходит, Кеше повезло, что ты его забрал к себе?

– Нам обоим повезло. Он во мне спасителя увидел, а я в нем родственную душу.

Под впечатлением я домой пришел. У бабули спрашиваю.

– Баб, а ты знаешь, что у деда Лёньки птица счастья в саду гнездо вьет?

– А как же, – баба Варя улыбнулась.

– Я этому птаху тужурку шила, когда он обжился у Лёньки. У нас все про него знают. Уж все у старого в саду побывали, на красоту Кешкину полюбовались, счастья попросили. Он ведь и правда, такой красавец! Ярко -розовый, с шейкой огненной, как утренняя заря летом.

– Бабуль ты что. Кешка – лазоревый, с искрой. Никакой не розовый.

Бабушка засмеялась:

– А Маруся говорит, что птица Лёнькина огнем сияет как жар-птица. А Васька-тракторист, слыхала, рассказывал, что перья у Кешки изумрудные. Видать, каждый птицу счастья видит такой, какой себе её представляет. Да ведь неважно, каким она цветом. Главное – что она в Малиновке есть. И ей здесь хорошо.

Права бабуля на все сто. И мне в Малиновке хорошо. Отец давно маму уговаривает в родное село вернуться. Надо к этому делу тоже подключиться. Вдвоем-то мы ее быстрее уговорим!

Жар-птица

Целый год я не был в Малиновке. Звонил, конечно, бабуле, да и деда Лёню не забывал. От них знал все последние Малиновские новости. Осенью началось строительство какой-то мини-фабрики на Барской пустоши за селом. Приехали предприниматели с областного города, и стали стройматериалы завозить. Попытались было жители воспротивиться, да только оказалась у дельцов бумага, в которой говорилось, что земля им отдана в аренду на 10 лет с последующим возможным продлением, и все делается по закону. Будут Малиновскую целебную воду по бутылкам разливать и за границу продавать. А воду из скважин на Пустоши добывать станут. Жители, конечно, с этим согласиться не могли. В разные инстанции жалобы писать начали, да только всё бесполезно. Отписки приходили в ответ, мол, всё законно. Зимой все затихло, а по весне с новой силой пошла стройка

Я переживал за своё родное село. Да и мои родители собирались после того, как я школу закончу и в институт поступлю, купить в Малиновке участок земли и перебраться на родину отца окончательно. Учебный год пролетел быстро. Я лодыря не гонял, готовился к ЕГЭ как следует, уже и ВУЗ присмотрел и факультет. Пойду на ихтиолога или, может, биолога-рыбовода. Отучусь – приеду в Малиновку и займусь разведением рыб: и прибыльно, и интересно.

Вон Серега-фермер сельским хозяйством занимается, и к душе ему это, да и неплохо зарабатывает на своих страусах. И вот экзамены позади, документы в институт поданы. И я уже в середине июля прибыл в Малиновку к бабуле.

В первый же день отправился на Барскую пустошь посмотреть на строительство. Да уж, нагнали техники всякой: краны, бульдозеры. Раскурочили всю Пустошь. Несколько корпусов фабрики практически готовых высились. В стороне вагончики стояли, в которых рабочие жили. Даже издали было видно, что загажен луг бытовым и строительным мусором. А ведь там родники бьют, чистейшие, которые реку питают. Э-эх, испортят всю экологию местную, и птица счастья не поможет. Вечером отправился я к деду Лене. Гостинец ему понес: карбоновый спиннинг и катушку к нему инерционную. Дед спиннингу обрадовался.

– Вот угодил ты старику, Юрка!! Легкий какой, прям, невесомый!

Присели мы с ним на крылечке. Сидим, на закат любимся. А у меня одни вопросы на языке, но молчу, неловко как-то сразу о стройке на лугу спрашивать.

Да только дед сам понял, что меня гложет. Спрашивает:

– На Барскую пустошь ходил днем?

– Ходил – вздохнул я. – Дед, надо с этим бороться как-то, что-то делать. Загадят всю нашу местную природу и воду выщедят.

– А ничего делать не надо. Не построят они здесь ничего.

– Да как это не построят? Там уже три или четыре корпуса стоят и завезли еще стройматериалов гору.

– А вот так и не построят. – Дед усмехнулся и закурил. Пуская дым кольцами, спросил:– А ты знаешь, почему пустошь Барской зовётся? И почему это не просто луг, а Пустошь?

Я пожал плечами.

– Что-то слышал давно. Вроде барин там жил. Усадьба богатая стояла. А потом барин тот помер, усадьба развалилась. Там фундамент еще кое-где из земли торчал. В детстве с пацанами деревенскими в войнушку там играли. А, вспомнил, бабуся еще говорила, сгорело вроде поместье это.

Дед хитро прищурился:

– А почему там никто из деревенских ничего не строит, да и колхоз когда был – тоже строить на пустоши ничего не стали, знаешь?

Этого я не знал.

– Ну и почему?

– А вот слушай, какая у нас местная легенда есть

***

Лет 150 назад было на том лугу, что сейчас Барской пустошью зовётся, именье большое. И барин, конечно, имелся. Дворянчик средней руки. То ли из Строгановых, то ли из Кирсановых. Службу он нёс в столице, в каких чинах и званиях – не ведомо, да только когда батюшка с матушкой его представились, вернулся барин этот в родовое гнездо. Холо-

стой видный мужчина всколыхнул все провинциальное общество. Стали его наперебой в гости зазывать, с незамужними девицами знакомить. И вдовушки помоложе виды на него имели, да что греха таить, и замужние дамы случалось, томно вздыхали при одном упоминании его имени. Феликс (так его звали) приглашения принимал, визиты наносил и знаки внимания местным красавицам оказывал, а вот жениться не торопился. Год прошел, другой, слухи пошли про барина, один хуже другого: там помещик Титов с охоты раньше времени вернулся и свою супругу с Феликсом застукал в супружеской спальне. Чуть не застрелил. Там девица, дочь отставного полковника Подъяблонского в интересном положении оказалась. И тоже слышно, от Феликса. И слухов таких становилось все больше. А барин и в ус не дует. На увещевания немногочисленных друзей отвечал, что дескать, молод, для женитьбы не созрел, ту самую, единственную, не встретил, с которой под венец и вместе на всю жизнь.

И кто знает, каких бы дел он ещё натворил в своей беспутной жизни, только встретил он однажды Феню, жену кузнеца Фрола.

Про Фрола и Феню отдельная история. Домишко и кузня Фрола на краю села стояли. Как раз на развилке дорог: одна в город, другая к усадьбе барской. Кузнец рано сиротой остался. Отец его с города как то ранней весной ехал, да в метель попал, с дороги сбился и вместе с лошадей в полынью угодил. Сумел и сам выбраться, и лошадь спасти, но промёрз

сильно и через пару недель помер от лихоманки. Жена ненадолго мужа пережила, угасла от тоски за год, и остался Фрол на шестнадцатом году один как перст. Горевать некогда было, кузнечному делу парнишка был сызмальства приучен, в кузне отцу помогал. Вот и начал молодой кузнец сначала лошадей ковать, а постепенно и всяким другим премудростям кузнечного дела научился. К двадцати годам про Фрола слава по всему уезду шла: любой заказ выполнить может малиновский кузнец, скует без изъяна. Да и сам парень видный: высокий, статный, голубоглазый. Сколько девушек вздыхало на кузнеца украдкой поглядывая. Только он предпочтения никому не выказывал. Улыбался всем и на посиделках орешками одаривал всех одинаково.

Была у кузнеца слабость: очень он любил соловьиные песни по весне слушать. Бывало, весна настанет, и вечерами заканчивал Фрол свои дела в кузне и отправлялся к Соловьиному оврагу трели слушать птички. Он там даже лавочку под берёзкой соорудил, что б, значит, удобно было ему. Да ты, Юрка, это место знаешь... Там и сейчас лавочка есть. Молодые влюблённые наши там до утра сидят трели, слушают. Товарищи над Фролом посмеивались, а ему хоть бы что. «Ничего вы, дураки, не понимаете, – говорит. – Соловей он самой душой поет для своей любимой. Оттого и у человека сердце замирает». И продолжал по вечерам к Соловьиному оврагу ходить. Как то припозднился Фрол за работой, и уже затемно на свою лавочку шел. Вдруг издали слышит: птица

какая-то поет. Да так ловко трели выводит, так прекрасно, что и соловью такое не под силу. Тихонько Фрол к лавочке подкрался, боялся птицу спугнуть. А она на другой стороне оврага на берёзе сидит. Да такая красивая, что и не описать. Ночь на улице, а птица как жар горит, вся переливается огненными сполохами. Замер Фролушка на своей лавочке, даже дышать боялся. До первых петухов песни чудной птицы слушал, да красотой её любовался. А та закончила петь, крыльями взмахнула и улетела. На другой день еле вечера молодой кузнец дождался. Снова к оврагу отправился, и снова до рассвета птицу слушал. Очаровала его огненная птица. Никогда Фрол такой красоты не видел, а уж песен таких и давным-давно не слышал. Все лето парень на лавочке песни слушал, ночи длиннее становились, а песни птичьи всё короче. С грустью Фрол ожидал тот день, когда не прилетит птица на березу. Понимал, что не зимует такая красота в холодных краях и отправится осенью на юг. Понимал, да все равно надеялся каждый вечер, что не сегодня. А тут еще барин как то дикую охоту затеял. Носился со сворой собак и с господами приезжими по окрестностям и стрелял всю дичь без разбору. Слышит кузниц один раз: стреляют возле соловьиного оврага.

«Ох!— думает,— как бы мою жар-птицу барин не подстрелил ненароком!!»

Не дотерпел до вечера, засветло к оврагу побежал. Осмотрел всё кругом: вроде мимо охотники проскакали. Уж хотел

уходить, слышит, будто стонет кто в овраге. Пригляделся – человек внизу в кустах лежит. Фрола ложбинку знал неподалёку, где спуститься можно было. Бросился туда, кубарем в овраг скатился. Побежал в сторону своей березы. И точно, человек в кустах лежит, девушка. Глаза закрыты, лицо бледное. Тонкая жилка на виске бьется. Живая!!! Подхватил кузнец девчонку на руки, вытащил из оврага, до кузни почти бегом донес. Внес в избу, уложил на лавку, под голову подушку подложил. Осмотрел – крови нет нигде. Дышит тихонько. Сел Фрол рядом и поглядывает на девицу. А она хорошенькая до невозможности. Губки бантиком, брови взлет, коса русая, сарафан синий. Разглядел парень у девушки шишку огромную на голове. Видно, сорвалась в овраг да и головой приложилась обо что-то.

Намочил тряпочку холодной водой, на шишку положил, укрыл найдёнку своим одеялом. Допоздна подле неё пробыл, так сидя и уснул. Проснулся утром, а девица уже очнулась, на лавке сидит, Фрола с любопытством рассматривает.

– Не бойся!– парень ей говорит,– не обижу!

А она смеется:

– А я и не боюсь!

– Ты чья ж будешь? И как в Соловьином овраге оказалась?

– Сирота я. У дальних родственников жила в Репьях. Тётка замуж за старика отдать хотела, сговорилась уже со свахой. А я узелок собрала да и сбежала. Думала в город податься. Говорят, там можно прислугой наняться в богатый дом с

жалованием и проживанием. Пусть деньги небольшие, а всё лучше, чем за старика постылого идти. А в овраг я случайно попала, шла краем, а тут собаки охотничьи окружили, лают. Я собак с детства боюсь. Попятилась да и свалилась вниз. И не помню ничего более.

Девушка вздохнула.

– Узелок мой жалко. Там хлеба краюшка, да бельишко сменное. Кому и не велика потеря, а у меня и нет ничего кроме этого узелка.

– Найду я твой узелок, не горься. А зовут то тебя как?

– Феня, рассмеялась девушка.

И такой смех у нее серебряный был, что Фрол окончательно голову потерял.

– Феня, а за меня замуж пойдешь?

Девушка посмотрела лукаво:

– Шутишь или всерьез?

– Да какие уж тут шутки! Приглянулась ты мне очень. Я и сам сирота, и сам себе давно хозяин. С голоду не умрем, кузнец я неплохой. От заказов отбоя нет, в город даже приглашают. И обиды от меня тебе не будет. Ну, так пойдешь?

– Пойду, – засмущалась Феня.

На том и порешили. Обвенчались скоренько и зажили дружно. Днем Фрол в кузнице работал, а Феня по дому да в огороде хлопотала. А вечером как поужинают, так садилась Феня на завалинку, да песни заводила. Со всего села слушать её приходили. Вот голос какой Господь дал необык-

новенный. Звали молодую и на свадьбы песни запевать. Желанной гостьей она была вместе с мужем. Так зима прошла, и весна за ней. Снова Феня по вечерам на завалинке песни заводит. И принесла ж нелёгкая однажды этого самого барина Феликса, то ли Строганова, то ли Кирсанова к Фролу в кузню. Чего-то там в бричке у него изломалось, а с утра в город ехать. А Феня как раз ко двору вышла и запела. Барина как молния поразила: замер, на Феню смотрит, глаз отвести не в силах. Так и простоял до темна, пока девушка в избу не ушла. А тут и Фрол работу закончил. Расплатился барин и у кузнеца спрашивает, мол, что за дивный голос, что за девушка-красавица.

Фрол гордо отвечает: «Жена это моя, Фенечка».

Барин еще деньжат добавил, певунье-красавице на ленты. И уехал. А через пару дней позвали Фрола в город ворота новые выковать знакомому купцу в новый дом. Не в первый раз от него заказы приходили, и всегда щедро купец платил, ценил искусную работу. И кузня своя у него была, и помощников Фролу давал. Обрадовался кузнец, собрался быстро, кой-чего из инструмента прихватил, да бельишко на смену. И пошёл в город. А вечером в кузню барин снова пожаловал. В избу зашёл без спроса, Феня обомлела. А барин на стол пачку ассигнаций бросил, дорогие украшения из бархатного мешочка высыпал и на колени встал:

– За тобой, красавица, приехал. Увидел и влюбился в тебя вмиг, ни спать, ни есть не могу. Всё готов отдать, лишь бы

ты ласково глядела, да песни мне пела.

Феня к деньгам и не притронулась, лишь бровью сердито повела.

И барину от ворот поворот дала.

– Уходи, барин. Я жена мужняя, не по-христиански это от живого мужа жену сманивать.

Нахмурился Феликс, но ушёл и добро своё забрал. Вздохнула с облегчением Феня: пронесло. А через пару дней Фрола мёртвого привезли из города: прибило его на стройке, ворота сорвались при установке и кузнеце насмерть придавили. Купец с похоронами помог, поминки богатые устроил, денег молодой вдове щедро отсыпал. И осталась Феня одна. И только девять дней прошло – вновь барин заявился и опять стал девушку обхаживать. Пристыдила она его, говорит: «Совести нет у тебя, барин. Я только мужа схоронила, а ты с любовью лезешь».

Осерчал барин и говорит: «Мужа это я твоего в город заманил, и я поспособствовал, что б он живым оттуда не вернулся. Всё я могу, много у меня денег. Силой мог бы тебя увезти, но хочу, что б по любви поехала со мной. А уж я тебя, голубушка, озолочу, будешь королевишной у меня! Женой законной сделаю».

Замерла Феня, постояла, в пустоту посмотрела, а потом вдруг и говорит: «А и поедем, барин. Чего мне здесь одной куковать?» Первая в бричку запрыгнула, а барин следом полез, счастью своему не веря. И уехали. Всю ночь веселье в

барской усадьбе шло, цыгане плясали и песни пели, а Феня пуще их выпевала и выплясывала. Фейерверки до небес пускали, под утро только угомонились. И полыхнуло. Со всех сторон усадьба занялась. В колокол забили, народ набежал тушить, только чем сильнее заливали, тем жарче горело. За час всё выгорело дотла. Никто не спасся: ни сам Феликс Кирсанов, ни помощники его. Даже костей не осталось. Мужики потом божились, что летала над домом огненная птица дивная, красоты неопишуемой, и огонь пускала снова и снова. А когда усадьба сгорела – опустилась та птица на берёзку и запела песню прекрасную, да так печально, что прослезился народ. А потом сделала круг над пепелищем и исчезла на востоке. Оказалось потом, что и кузня как-то незаметно сгорела, и Феня пропала. На пожарище пытались наследники что-то строить, да горело всё раз за разом. Забросили усадьбу, Пустошью назвали. А земле только на пользу. Вон какой луг чудесный образовался. Совсем стемнело.

– Иди домой, Юрка. Утро вечера мудренее. А за гостинец спасибо.

***

Поужинали мы с бабусей, и я спать завалился. Устал с дороги. Но только глаза сомкнул, как загомонили на улице. Выскочил на крыльцо – горело на Пустоши. До неба столб пламени поднимался. Вскоре подъехала пожарная техника тушить стали. Я час простоял, пожар только сильнее разгорался. Я замёрз и в дом пошёл. Прилёг, и сон меня смо-

рил. Утром проснулся от тихого покашливания: сквозь приоткрытую дверь увидел деда Лёню. Он свою любимую козью ножку раскуривал.

– Что, Юрка, видал, как полыхнуло ночью?

– Видал, – я присел рядом.– Всё сгорело?

– Всё, можешь не сомневаться. Что я тебе говорил? Нельзя строить на лугу. Все знают. Но это ж городские! – дед пыхнул ароматным дымом.

– С донником?

–С донником!– подтвердил он.

– Дед, мне почудилось ночью, или нет, вроде как птица огненная летала над пожарищем?

– Мож, почудилось, а мож, и нет. Кто знает.

Я чего пришел то: на затон поплывешь со мной? Чего-то я по птенчикам свои соскучился.

– Да! – радостно заорал я.

– Ну, так собирайся, через полчаса отплываем.

Мокошь

На Рождество ко мне в Малиновку должна была девушка моя приехать. Таня, Танюша, моя невеста. Она мне еще во время учебы приглянулась. Я ж с детства воду любил, плавал в реке как рыба. Отец со смехом всегда говорил, что я одновременно и плавать, и ходить начал. И очень даже может быть, что это никакая не шутка. Летом я в деревне у деда с бабушкой на реке плескался, а зимой мне родители брали абонемент в бассейн, и я 2-3 раза в неделю ходил. А после, когда студентом стал, уже в свой, университетский стал ходить. Так классно в бассейне! Вода голубая, как в море, чистая и хлором совсем не пахнет. Какой-то современный способ обеззараживания применяют, типа озонирования. Ну, так вот пришел я однажды в бассейн уже перед закрытием. Всего несколько человек плавают, и только одна девушка. И так она здорово и красиво рассекала водную гладь, что я залюбовался, а потом и заинтересовался. И в холле стал специально её поджидать, ну и заодно обдумывать, как к ней подкатить. Так то я парень не из робких, да и не урод совсем. Но тут как назло ничего оригинального в голову не приходило. А она уже из раздевалки выходит, рюкзачок в руке держит. Была-не была, шагнул ей навстречу и говорю:

– Привет, я – Юрий, а ты здорово плаваешь. Можно тебя

«американо» угостить?

А она с улыбкой на меня посмотрела и отвечает.

– А я – Татьяна, угостить можно, только я люблю «латте» хороший, чтобы пенка толстая была.

Вот так всё у нас и началось. Чем больше я узнавал Таню – тем больше она мне нравилась. В июне я защитился, а Тане защита предстояла только через год: она училась курсом младше. Я, как и запланировал, поехал работать в Малиновку. И незадолго до Нового года сделал Тане предложение. Волновался, конечно, хотя и знал, что она меня любит. Таня себе не изменила: просто улыбнулась и сказала «Да!» Уже вместе мы решили, что на Рождество Танюша в качестве моей невесты придет в Малиновку на пару дней познакомиться с моей семьёй. Мама, отец, бабушка, мой дед и даже дед Лёня, все с нетерпением Танюшу ожидали. Стол накрыли, чего только на том столе не было! Посидели душевно. Таня всем моим очень понравилась, дед Лёня, когда уходил, при всех сказал мне:

– Правильную девчонку выбрал. Одобряю!

А бабуля мне шепнула на ушко:

– Зайди к нам с дедом, у меня для твоей Танюши кое-что есть.

Сразу зайти не получилось, а через пару дней, перед Танюшиным отъездом забежал в гости к своим старикам. Бабушка немного поворчала, что долго не шёл, а потом достала маленькую берестяную коробочку и протянула её мне.

– Возьми, это твоей Танюше подарок.

Я удивился.

– Бабуль, что это?

– А это, Юрочка, то, что поможет жить вам с Таней в мире и согласии и деток народить столько, сколько вы пожелаете.

Я приоткрыл коробочку, сунул руку внутрь, и на мою ладонь легла тяжёлая серебряная цепочка, красивого плетения, с кулоном в виде полумесяца, рожками вниз, украшенного кристалликами ограненного горного хрусталя. Неведомый мастер выполнил полумесяц так тонко и красиво, что я невольно залюбовался кулоном.

– Ба, откуда такая красота?

Бабуля улыбнулась и любовно погладила полумесяц.

– По молодости история со мной одна приключилась, никому её не рассказывала, знала, что не поверят, а то и за дуручку сочтут.

Ух, как мне интересно стало! Стал просить бабушку, что бы рассказала.

– Тебе расскажу, Юрочка. Знаю, ты в такое веришь, да и история касается нашей семьи.

Замуж я вышла рано, едва 18 исполнилось. Я девка видная была, как в кино то там говорил актёр: «Красотою лепа! Червлена губами! Бровями союза». И фигурой не обделили матушка с батюшкой. Проходу мне парни не давали, а я в агронома приезжего влюблена была, в Степана Романовича. Ну а как же: высокий, красивый, образованный. Не че-

та нашим парням. И он меня приметил, ухаживал красиво, цветочки дарил, конфеты шоколадные покупал. А когда по-сватался Степан – от счастья чуть с ума не сошла, согласилась, конечно. Свадьбу сыграли, зажили как все люди. Год живём, другой, третий. Замужние подруги уже все с детками, а у нас всё никак не получается. Вот и заметила я, что стал мой Стёпочка, Степан Романович, искоса на меня поглядывать. Смотрит задумчиво, а у меня от этого взгляда всё сжимается в груди. А потом стал на работе задерживаться, то во второе отделение колхозное ездил, то с председателем чегой-то там считали. Приходил за полночь и спать ложился на диванчике. Кумушки-сплетницы весть мне принесли: мол, у Стёпы твоего полюбовница завелась, с ней он времечко проводит. А я не верила, прочь гнала их: не такой мой Стёпа, любит только меня, а что поздно домой приходит – так работа у него такая, ответственная и трудная.

А как-то летом жду мужа, а его всё нет и нет, не спится мне. Вышла на улицу: красота, луна светит, кузнечики стрекочут. Иду по улице не спеша, слышу – у Вали-продавщицы возле дома парочка милуется. Вальку сразу узнала, а кавалера её нет. Хотела тихонько назад отступить, а кавалер Вальку поцеловал в последний раз и пошёл по улице в мою сторону, тихонько посвистывая. А я к забору чужому прижалась, ни жива, ни мертва: узнала я мужчину, Стёпа это мой был, и мотив этот насвистывал он всегда, когда в добром расположении духа был. Прошёл Степан мимо, не заметил меня. А

я на ватных ногах и с колотящимся сердцем следом потащи-
лась. Зашел супруг в дом, а я заходить боюсь, все внутри от
обиды дрожит. Ну, кое-как дрожь уняла, захожу, а муженек
укладывается на свой диван. Брови поднял, на меня смотрит
удивлённо, мол, где шаталась, жена, среди ночи? Встала я у
притолки, смотрю на Степана, и видно, что-то в моём взгля-
де было такое, что понял он, что я всё про них с Валентиной
знаю.

– Знаешь? – спрашивает.

– Знаю... – отвечаю чуть слышно.

Вздыхнул Степан.

– Ну и к лучшему, давно объясниться нам надо было. Лю-
бовь у нас с Валентиной, она уже и ребёночка от меня ждёт.

– А со мною что же было? – шепчу помертвевшими губа-
ми.

Снова Степан вздохнул.

– И тебя любил, да только пустоцвет ты, дитя от тебя не
дождаться. А Валюха вон сразу понесла. Давай, Варя, по-хо-
рошему на развод подадим, без скандала, да я на Валентине
женюсь, а то уж живот заметен у неё. Не хочу, что бы бабы за
её спиной судачили, да и негоже ребёночку вне брака рож-
даться.

Захолонуло всё у меня внутри, замерло. Выскочила я из
дома, да и к реке побежала, хотела утопиться. Бросилась в
воду, до середины реки доплыла, а утонуть не получается.
Я с детства плаваю, выталкивает меня вода, руки-ноги сами

работают. Устала я топиться, к берегу поплыла. Вылезла, села на песочек, холодно мне, перед рассветом всегда холодает. Дрожь меня пробирает, зуб на зуб не попадает. И такая меня злость-обида взяла на самую себя, что с жизнью расстаться из-за подлеца хотела! Вспомнила, что на краю леса дуб огромный растёт. У нас на селе его Мокошиным дубом называют, по преданию его сама Мокошь, языческая богиня судьбы посадила в незапамятные времена. Ходят тайком к дубу женщины, счастливой доли просят для себя. Вот и я побежала к этому чудесному дереву, подумала: попрошу ребёночка у Мокоши. Вдруг поможет, рожу себе, назло Стёпке и Вальке.

Бабушка засмеялась.

– Дурочка была я, конечно, молоденькая, 21 год только исполнилось. Не думала о том, что деток в любви надо рожать, а не назло кому-то. Ну, так слушай дальше. Прибежала к дереву, а оно огромное. Как просить Мокошь о ребёночке – представления не имею. Обхватила ствол дуба руками, прижалась щекой к шершавой коре, глаза зажмурила и шепчу: «Матушка Мокошь, пошли мне ребёночка, не дай пустоцветом по жизни пройти!» Не знаю, сколько раз я это прошептала дубу, только отклика никакого. Замерзла я пуще прежнего, села под дубом, спиной прислонилась к тёплому стволу. Домой идти сил нет, да и не хочу, чтобы меня муж в таком состоянии видел. Вдруг слышу – кто-то шуршит в траве, зверюшка какая-то. Пока я думала-гадала, кто это может быть, зелёные глаза совсем рядом блеснули. «Мя-я-я- у!» Котик

чей-то об мои ноги потерся. Большой такой, пушистый белый, я его погладила, он и замурчал. Потом отошел в сторонку и снова «Мя-я-я-у», словно зовёт за собой. Я поднялась и за котиком пошла, месяц светит, хорошо пушистика видно. Совсем недолго мы шли, глядь – избушка в лесу стоит, в окошке свет теплится. Котик на крылечко зашёл, оглянулся в последний раз на меня и нырнул в кошачий лаз. Я стою возле двери в раздумьях постучать или нет, вдруг дверь сама открылась, и вышла женщина на крыльцо, высокая, статная, со свечой в руке. Меня увидела, запричитала.

– Да что ж ты стоишь то вся мокрая и не заходишь? Ну-ка пойдём!

Я долго раздумывать не стала, следом за женщиной в избу вошла. Хозяйка свечку поставила, принесла мне большое пушистое полотенце и халат чистый подала, вытерлась я, переделась. А хозяйка уже чашку чая мне приготовила. Я отхлебнула разок, другой и так мне хорошо стало, так спокойно, спать сразу захотелось. А хозяйка меня давай расспрашивать, как я ночью в лесу оказалась, да вся мокрая к тому же. Я ей всё без утайки рассказала: и про мужа изменника, и про любовницу его беременную, и про то, что деток у нас с ним нет. И про то, как утопиться хотела, а потом передумала и пошла к мокошиному дубу помощи просить, да видно, зря.

Выслушала меня женщина, ничего не сказала, уложила меня на кровать и одеялом накрыла. А сама за прялку села и прясть начала, жужжит колесо прялки, убаюкивает, сквозь

сон вижу, как побежали со всех сторон к пряже паучки, совсем не страшные. Красивые, словно из серебра сделанные, и каждый ниточку тонюсенькую за собой тянет. И кот рядом с хозяйкой уселся. Вот хозяйюшка нитки в руку собрала и ко-ту говорит: «Ну что, дружок, спрядём-свяжем нашей гостье новое кружево жизни?» А кот согласно головой кивает, буд-то понимает, а хозяйюшка уже вовсю коклюшками стучит, да быстро так, ловко выходит из-под рук красивое кружево, а паучки знай себе нитки подают. Под тихий стук коклюшек я окончательно заснула, а проснулась уже поздним утром. Ти-хо в доме, только ходики тикают, на стуле моё высушенное и выглаженное платье висит. Я встала, платье надела тут и хозяйка с улицы заходит.

– Как спалось, гостья дорогая? – спрашивает.

А мне отчего-то так легко на душе, так радостно, будто и не было вчерашней страшной ночи.

– Прекрасно спала, – отвечаю женщине. – Есть только очень хочу.

Хозяйка улыбнулась и за стол позвала. А на столе простой сельский завтрак: оладушки, пара яичек, молоко в кружке. Поела я с аппетитом, поблагодарила хозяйку и собралась ид-ти домой. А хозяйка мне и говорит. «Постой, сейчас я те-бе провожатого кликну, сама то ты дорогу обратно не най-дёшь». Открыла дверь на улицу и позвала: «Кыс, кыс, кыс!»

Тут же прибежал давешний белый кот, сел на пороге и смотрит вопросительно на хозяйку. А та достаёт из берестя-

ной коробочки цепочку серебряную, а на цепочке – полумесяц, да интересный такой, рожками вниз. Словно из лунного камня сделанный, хрусталинками украшенный, и надевает мне на шею со словами:

– Носи эту лунницу не снимая и всё у тебя будет, и новый муж любящий, и детки. Степана же отпусти, не он твоя судьба. А придет время – передашь лунницу той, которой счастья пожелаешь. А теперь – ступай!

– Как же тебя зовут, хозяйюшка? Кого мне благодарить? – спрашиваю.

А женщина смеётся.

– По-разному называют меня: кто Мокошь, кто «бабья заступница», а кто и Параскева-пятница. Как кому больше нравится. Ступай, да помни мои слова, и лунницу не снимай.

Тут меня и осенило: да это сама великая богиня – мать, заступница всех обиженных женщин, Мокошь!

Неловко поклонилась ей, а она смеётся:

– Поторопись, а то от провожатого отстанешь!

Смотрю – а уж белый кошачий хвост на краю полянки мелькнул, я бросилась со всех ног котика догонять. Оглянулась на краю полянки назад – а дома никакого и нет. Вот ведь чудеса! Вывел меня белый кот вскоре прямо к старому дубу, мяукнул на прощание и в кустах пропал, а я в Малиновку домой пошла. Собрала вещи молчком, да и к родителям ушла, а на другой день и на развод сама подала, чем Степана сильно удивила. Развели быстро, деток у нас не было, к тому

же Стёпа заявил, что другой брак хочет скорей заключить с женщиной, которая вот-вот ребеночка должна ему родить. Не было у меня ни сожаления, ни грусти после развода. И любви к Степану как не бывало. Валька-то разлучница приходила тайком ко мне потом, прощения просила за то, что мужа увела, а я посмотрела на её большой живот, улыбнулась и счастья ей пожелала. А у меня сложилось всё так, как мне Мокошь нагадала. По зиме помер наш старый председатель, а на его место нового с района прислали. Догадываешься, кого? – бабушка лукаво посмотрела на меня.

– Неужто дедушку?

– Точно, увидел он меня в клубе на новогоднем вечере и влюбился. А по весне мы уже свадьбу сыграли, и через год сынок родился, отец твой. Дочек бог не дал, и внучек тоже. Лунницу я не снимала с себя до сегодняшнего дня, и счастлива была с дедом твоим. А недавно вдруг приснилась мне Мокошь и сказала, что время пришло амулет суженой твоей передать. Вот и передаю я лунницу, пусть оберегает твою Танюшу от злых глаз и языков, и счастье ваше пусть хранит.

Поцеловал я бабусю, обнял крепко. Отдам лунницу Тане после свадьбы, а потом мы вместе к старому дубу с ней сходим и великую мать-богиню поблагодарим.